

D.4.6.3

Гонгало В.М. Тема феномена любви в истории философии // Материалы Республиканской научно-практической конференции «Козыбаевские чтения - 2009». - Петропавловск. - 2009. - Т. 2.

УДК 1/14

ТЕМА ФЕНОМЕНА ЛЮБВИ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Гонгало В.М.

(СКГУ им. М.Козыбаева)

Любовь является ведущей потребностью человека и одним из главных способов его укоренения в обществе. Когда человек стал человеком, он перестал быть только животным, и поэтому ему стали необходимы человеческие корни, столь же глубокие и прочные, как инстинкты животного. Одним из таких корней является, на наш взгляд, феномен любви.

Любовь в человеческом обществе наполняется социальным и нравственным содержанием, становится образцом отношений между людьми. Именно в любви и только через любовь человек становится человеком, и если человек – центральный объект и главная тема философии, то тема любви должна быть одной из ведущих проблем бытия.

Древнейшим, из дошедших до нас сочинений о любви, является книга Песни Песней царя Соломона – книга Библии, датируемая, приблизительно тринадцатым веком до нашей эры. Также одним из древнейших трактатов о любви следует считать описанное древнеиндийскими мудрецами искусство любви – кама-сутру.

Велико многообразие созданных человечеством произведений о любви. «Дочь времени, рождённая без прав» [Шекспир] – любовь была предметом размышлений и автора эротического трактата, и античного философа, и средневекового мистика, и мыслителя Нового времени, и современного социолога. В связи с этим следует выделить следующие этапы в истории вопроса:

- тема любви в античной философии;
- о любви в эпоху средневековья;
- любовь в эпоху Возрождения и Нового и Новейшего времени.

Исторические облики любви окрашены в неповторимые цвета соседствующих или сменяющих друг друга культур.

Наиболее яркие образы любви - это любовь как принцип мировой гармонии и одновременно наука, которой следует учиться, – говорится в известном индийском эротическом трактате «Кама-сутра»; это античный эрос в его отношении с христианским идеалом любви – агапэ, увиденный глазами современного протестантского теолога А. Нигрена.

Различие стилей многочисленных текстов о любви, понимание сущности любви и её роли в жизни человека, в развитии его отношений с другими людьми, с человечеством, с миром и богом, все они объединены пафосом гуманистического оптимизма, веры в возможность обретения человеком его сущности, прорыва к другому человеку и к миру, обретения им труднодостижимой гармонии и подлинности бытия.

Созидательная, творческая сила любви – это тот единый смысловой стержень, который обнаруживается в самых различных бытоописательных и нравоучительных, художественных и теоретических обращениях к ней.

Актуальность заявленной статьи диктуется острой нехваткой любви в современном мире, а также тем, что вопрос о счастье по-прежнему, остаётся открытым.

Ось мировой истории, по мнению многих исследователей, относится ко времени 500 лет до н.э. и пролегла между 800 – 200 гг. до н.э., именно осевое время стало, по мнению философов, временем антропной катастрофы. Возникновение различных программ спасения и конструкций жизненных программ совпало с появлением человека-трансцендирующего.

Феномен трансцендирования однозначно указывает на то, что человек оказался перед угрозой самоуничтожения, т.е. в тисках танатальной тенденции. Осознание этого побудило человека-трансцендирующего броситься на поиск новых жизненных стратегий. Осевое время, когда в разных местах ойкумены и независимо друг от друга появились различные философские направления, когда в Китае жили и творили Лао-Цзы и Конфуций, в Индии Будда, в Иране Заратустра, в Палестине пророки Илия и Исая, в Греции Гомер, Гераклит, Платон и другие мыслители, стало временем смены основных духовных установок. Именно тогда «произошёл самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день» [4.32].

Таким образом, осевое время это не только взлёт духовности и генезис новых витальных ориентаций, но и эпоха глубочайшего кризиса, эпоха антропной катастрофы.

Немецкий философ К. Ясперс, благодаря которому и внедрилось понятие «осевого времени», отмечает, что это время – эпоха социальных катаклизмов и катастроф, в частности, он писал: «Новое, возникшее в эту эпоху... сводится к тому, что человек осознаёт бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познаёт абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира» [4.8].

Осевое время, как время, когда человек стал осознавать необходимость спасения, отмечает исследователь вопроса С.Ф. Денисов, было бы бессмысленно без угрозы его гибели, так и резкая смена духовных установок и духовность в целом невообразима без падения человека. Осевое время стало эпохой скачка, попыткой танатальной тенденции, эпохой перехода от танатальности к витальности.

Платон, Эпикур и другие древнегреческие философы решали одну и ту же задачу – спасение человека. В условиях антропной катастрофы, когда человек встал на путь самоистребления, перед философами вставала задача направить человека на такие цели и дать ему такие ценности, которые помогли бы ему свернуть с пути самоуничтожения и встать на твёрдую дорогу вечной жизни. В этом и заключается спасение.

Иначе говоря, перед человеком открывалось два пути: один – это дорога смерти, другой – это дорога жизни; взору человека предстали две долины: долина смерти, или неправды, и долина жизни, или правды. В философских категориях эти пути обозначаются понятиями танатальности и витальности.

Причём, выживание и спасение, отмечают исследователи вопроса, это совершенно разные пути. Выживание – это жизнь человека в условиях господства танатальной тенденции, а спасение предполагает выход человека за пределы этой тенденции.

В онтологии Платона источник жизни предстаёт миром идей или идеалов витальности. В своей гносеологии Платон показывает пути проникновения человека в

этот мир витальности, и в этот мир, в долину правды может попасть не весь человек, а только его разумная, размышляющая душа. Всё телесное, чувственное остаётся в долине неправды. Другими словами, согласно философии Платона, спасается, вырывается из танатальной тенденции и проникает в мир витальности человек, лишённый чувств, т.е. бесчувственный человек. Согласно философии Платона, спасаются лишь люди, не знающие жалости, не реагирующие на других и на их страдания. К тому же, по Платону, человек может спастись только тогда, когда душа покинет тело, т.е. после смерти. Но как нам может понравиться такой, даже если это человек Платона?

Также и Эпикур считал, что спасается человек, достигший атараксии, невозмутимости, такой, которого уже ничто не волнует, т.е. мёртвый человек. Таким образом, философия Платона и философия Эпикура оказываются тождественными в данном положении [1.61-63].

В этих условиях в человеческом сообществе остро назрела необходимость поиска других путей и методов спасения, которые и были представлены христианской религией и нашли своё воплощение в Библии. Таким путём и стала, на наш взгляд, любовь, ибо главное положение христианства гласит: «Бог есть любовь» [3].

В эпоху Возрождения философия любви получает новый толчок к развитию, возникает своеобразный жанр философских трактатов и диалогов о любви. В основном на почве возрождения античной философии и в особенности учении Платона. Вместе с тем, ренессансная философия любви впитывает в себя традиции куртуазной поэзии и средневековых споров о любви.

Трактаты о любви становятся чуть ли не одним из основных жанров философской литературы. На Западе указанные сочинения давно стали предметом специального изучения, этому посвящены работы Э. Панофского, А. Шастеля и других исследователей. Предпринимаются издания ренессансных трудов, так в 1912 году итальянский исследователь Д. Дзонти издал антологию «Трактаты Чиквеченто о любви», куда вошли следующие пять трактатов: «Поучение молодым людям, как влюбляться»; «Поучение молодым людям в прекрасном искусстве любви Ф. Сансовино»; «Трактат о бесконечности любви» Туллии д Арагона и два трактата Бетусси – «О любви и её воздействии» и «Леонора».

В 1913 году Дзонти издал другой сборник «Трактаты Чиквеченто о женщинах», в котором были опубликованы трактаты Ф. Пикколомини «Диалог о прекрасной внешности, или Рафаэлла», М. Бьендо «Госка, боль и мука – три мировые фурии», «Книга о красавице» Ф. Луиджини и «Пир или Тяжесть жены» Дж.-Б. Модно. В последней четверти XX в. эти трактаты были переизданы: Bornstein D (ed) *Slaves and Dames: Renaissance Treatises for and about Woman*. N Y, 1978.

В развитии философии любви в эпоху Возрождения исследователи выделяют три периода, которые различны по предмету, характеру и даже стилю рассуждений о любви.

В эпоху Проторенессанса в итальянской поэзии зарождается «новый сладостный стиль» (*dolce stile nuovo*), в это время тема любви становится популярной для творчества многих писателей и поэтов; прежде всего, здесь отмечают Гвидо Квиницелли и Гвидо Кавальканти, последний в довольно причудливой форме пишет канцону о любви, которая стала предметом философского истолкования Фичино в его знаменитом «Комментарии на «Пир» Платона».

Канцона Кавальканти открывает целый ряд поэтических произведений подобного рода, в качестве комментария к которым были написаны многие трактаты о любви, например, «Комментарий на канцону о любви Джироламо Бенивьени» Джованни Пико делла Мирандола.

Своеобразную поэтическую философию любви мы находим в творчестве Данте, Петрарки и Боккаччо.

Второй период относится к XV веку и характеризуется появлением философских трактатов о любви, объединяющих в одно целое и учение о бытии, и гносеологию, и этику, и эстетику. Самым ранним произведением этого периода является «Диалог о любви» Лоренцо Пизано. Но центральным моментом для всего XV века является, безусловно, деятельность Марсилио Фичино и созданной им Академии Платона.

«Комментарий на «Пир» Платона» Фичино положил начало большому числу сочинений о любви, принадлежащих крупнейшим мыслителям эпохи Возрождения.

Среди них Джованни Пико делла Мирандола, врач и философ Леон Эбрео, автор глубокомысленных «Диалогов о любви», Франческо Каттани, Туллия д'Арагона, Франческо Патрицци, Джордано Бруно. Названные мыслители создавали на основе заново прочитанного и переосмысленного Платона грандиозную диалектику любви, охватывающую не только человеческие чувства, но и отношения всех вещей и процессов в мире.

Характерно, что центральным местом этой любовной философии было учение о красоте, так как сама природа любви, по определению Платона, заключалась в желании красоты. Это определение органически связывало этику и эстетику, поэтому не случайно, что философские теории любви оказали воздействие на искусство эпохи Возрождения, так, многие выдающиеся художники этой эпохи черпали сюжеты своих картин непосредственно из трактатов Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола.

Третий этап в развитии ренессансной литературы о любви относится к XVI веку. Он представлен сочинениями не столько философского, сколько практического и назидательного характера. На смену сложной диалектике любви, господствовавшей в XV веке приходит интерес к житейским и практическим вопросам любви: о том, как влюбиться молодым людям, как ухаживать за женщинами, каковы признаки женской красоты и т.д.

Образ мыслителя, стремящегося разгадать тайны мироздания, сменяется образом придворного, рассуждающего о любви в духе придворной этики. Таковы сочинения Бальдассаре Кастильоне «О придворном», Бартоломе Готтифредо «Зерцало любви», Аньоло Фиренцула «О красотах женщин», Франческо Сансоновино «Поучения молодым людям в прекрасном искусстве любви».

Таким образом, первый этап ренессансной теории любви характеризуется как поэтический, второй – как философский, третий – как эротико-дидактический.

И в XX в. у Маяковского, Есенина, Заболоцкого, Светлова, Луговского, Асеева, Кедрина, Асадова, Мартынова и у многих других поэтов любовная лирика не отгорожена глухой стеной от гражданской лирики. Напротив, лирика философская, политическая и любовная у настоящих поэтов – всегда *едина*.

Проблеме человека, морали, любви и счастья посвящены работы исследователей: Азаренко С.А., Александрова А.А., Анисимова М.Н., Васечко В.Ю., Горшкова А.А., Занфир Л.Н., Кантемирова Е.В., Кругликовой Г.Г., Попова Б.Н., Пургиной Е.Н., Пятилетовой Л.В., Розеновой М.И., Сабекия Р.Б., Севастинко А.В., Тундыкова Ю.Н., Черданцевой И.В., Калашникова Е.А., Орловой Н.Х. и других. И всё же, как представляется, говорить о научном или научных определениях любви было бы большой натяжкой, поскольку наука, как правило, постулирует, имеет дело со всем тем, что может быть вычислено, измерено, взвешено, логически выверено, научно доказано, ибо наука всегда имеет дело с фактом (или фактами). Всего вышеперечисленного оказывается явно недостаточно, когда мы говорим о феномене любви, ибо хотя вряд ли найдётся такой человек, который бы не задумывался о любви, то всё же говорить о любви как науке, или научном факте, нет оснований.

Итак, можно сказать, в любви многое (если не всё) непонятно, непредсказуемо, до конца необъяснимо, например:

а) почему из большого числа людей выбирают одного-единственного, именно *этого* человека, а не другого, хотя другой, может быть, и сильнее, и выше, и умнее, и бойчее, и коммуникабельнее и т.д. (и что значит выбирают, а если и выбирают, то опять вопрос – кто кого выбирает?);

б) какими единицами измерить, взвесить, оценить такое глубоко индивидуальное, личное свойство человеческого существа как любовь?

в) ум, здравый смысл и даже разум в вопросах любви не помощник и может находиться в конфронтации с чувствами, недаром Ф. Ларошфуко остроумно замечал, *что ум всегда в дураках у сердца.*

г) в вопросах любви исключительно всё слишком индивидуально, неповторимо, иначе говоря, вроде бы всё одинаково у всех, всё «то же самое», и в то же время не «то же самое»; всё старо, как мир, но и сам мир постоянно обновляется (природные циклы, времена года и т.д.), поэтому всё старо «и нет ничего нового под солнцем» [2], и ново одновременно.

д) наконец, любовь можно уподобить Гераклитову огню, вечно живому, изменяющемуся, мерами вспыхивающему (в котором всё же и сгорает) и мерами угасающему.

Для кого-то любовь, может, и старое, а для кого-то новое, хотя слово «старое» здесь плохо подходит, ибо, как это справедливо замечено, *в вопросах любви все новички*, и потому любовь всегда нова.

Таким образом, есть все основания сказать, что любовь есть нечто безусловно тонкое и духовное, и именно в любви заключается спасение человека.

Литература:

1. Денисов С. Ф. Библейские и философские стратегемы спасения: антропологические этюды: Учебное пособие. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004.
2. Еккл. 1:9-10.
3. Иоан.3:16; 1 Иоан. 4:7-21.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.